

Каждый выбирает для себя

Прочла книгу М. Борцовой “После бала” и сразу следом – В. Соколовой “Око на сердце”. Они поразили меня своим контрастом. Не в уровне таланта (у каждой – свой мир, своя правда, своя жизненная ниша), а контрастом женской и человеческой судьбы. Абсолютная полюсность, антиподность, взаимоотрицаемость. Объединяет одно: одиночество. Не фактическое, социально-анкетное (обе работают, имеют детей, какой-то круг друзей и родных), а то – вопиющее в пустыне, воющее на луну, одиночество непонимания, не-внимания, одиночество души, которое трудно постичь непоэту. Но – какие разные попытки выхода из него, какие диаметрально противоположные способы поэтического и жизненного существования. У одной – бегство в себя, в “сны о тебе”, отчаянный прыжок в бездну, в омут своих страстей, в “трёхмерную плоскость” жизни. У другой способ спасения себя и своей души сконцентрирован в нескольких строчках:

Всю жизнь искать и не найти
любовь единственную, всё же
я поняла в конце пути,
что я Тебя искала, Боже.

Изверившись в земной любви, в человеческом тепле, она выбирает то, что незыблемо, что не предаст.

Все мои мысли – о Боге.
Нету родней никого.

“Каждый выбирает для себя”, – как сказал Левитанский. И всё же – чья истина мне ближе?

В книге Борцовой восхищает многое. Прежде всего – мощь дарования: удивительное богатство языка, буйство красок, роскошь метафор, прорывы в такие экзистенциальные высоты и глубины, что дух захватывает. В её рассказах есть что-то от Т. Толстой и Л. Петрушевской одновременно, во всяком случае, у меня были именно такие ассоциации. Стихи тоже хороши, но рассказы – много сильнее, потрясение от них перекрывает впечатления от стихов, которым, на мой взгляд и вкус, порой не достаёт естественности, органики, мешает погоня за эффектной строкой, “красным словом” в ущерб подлинности и простоте. А вот в рассказах – ничего ни убавить, ни прибавить. И как всё в них бесстрашно откровенно, как, говоря словами Белинского о Лермонтове, “страшно сильно и взмашисто!” Да, многих будет коробить и шокировать их натурализм, чернушность, сгущение мрачных красок. Но я вижу в этом безоглядную смелость художника, его способность идти до конца в выявлении сути вещей, отсутствие страха перед дисгармонией жизни.

У В. Соколовой есть строчки: “В общем, мало не покажется, кто взглянуть в себя отважится!” Борцова из тех, кто отважился. И там открылось такое... (“Лекарство от бессмертия”, “Когда я буду бабочкой”). Но не спешите бросать камень. У Романа Роллана в “Очарованной душе” есть место, где он рассуждает о нравственной чистоте, не отождествляя её со стерильностью. “Я не люблю, – писал он, – беленьких блеющих барашков, у которых капелька молочка висит на мордочке. Тот не человек, кто не боролся с жизнью и не оставил в её логове клочков своей шерсти. Нужно, нужно пройти и по грязи, и по терниям! Но не увязнуть”.

Валерия Соколова или, скажем, её лирическая героиня – полный антипод борцовской. В памяти всплывают лермонтовские мрачный Демон и ясная, безгрешная Тамара, саркастический Печорин и сердечный Максим Максимыч, пушкинские страстная Зарема и невинная Мария... Но они не так уж страшно далеки друг от друга, как это может показаться.

Себя казнить и миловать должна
лишь потому, что вечно я одна.
Себя кормить, поить и одевать,
купать себя, укладывая в кровать...
И нет просвета в призрачной судьбе.
Как надоела я сама себе!

Это крик женской души, боль одиночества, не находящего выхода, души, отчаявшейся найти родную душу и узревшей её в Боге.

Мир прославляет грех и плоть,
и ту любовь, что ранит сердце,
но есть любовь сильнее смерти,
которой любит нас Господь.

Воплощённая жажда чистоты, детская доверчивость миру...

В этом мире, полном гадости,
не хватает людям радости.

Как же велика потребность души в добре и свете, как не хочется ей мириться с мерзкой действительностью!

Задыхаясь в этом смраде,
я взываю: Бога ради!
Дай мне воздуха глоток!

Дай мне воздуха глоток,
а не этот газ угарный,
чтоб сияла лучезарно
лишь любовь сквозь бисер строк.

Ишь чего захотела! В памяти всплыло мстительное Елагинское:

Ах, как эти мечты вдохновенны!
Только музыка вовсе не та!
А не хочешь ли розовой пены,
что струёй потечёт изо рта?

В жизни всё не так благостно, как в наших сладких мечтах и молитвах. Там и грязь, и мрак, и боль, и смерть.

Это просто, так просто, так просто –
нас Господь для любви сотворил.

Не всё так просто, как нам бы хотелось. Вспомнились кстати стихи Л. Миллер:

Тебе – жестокие уроки,
а ты – рифмованные строки.
А ты – из глубины души
про то, как дивно хороши
прогулки эти меж кустами
ольхи. Твоими бы устами...

Люди обычно негативно реагируют на всё мрачное, трагичное, безысходное в литературе. Я помню, сколько было нареканий на мои книги “Письмо в пустоту”, “Ангелы ада” именно по этой причине. Даже со стороны самых верных читателей встречалось непонимание и неприятие. “Милая Наталия Максимовна, – писала мне Н.С. Могуева, – не концентрируйте Вы в своих стихах тоски и разочарований! Так хочется, чтобы Вы своё необычайное умение выразить мысль и чувство так, что мурашки по коже, чтобы этот дар расходовался на светлое и доброе! А в общем, я хорошо понимаю, что никакие советы ни к чему (это я о своих призывах идти в “осиянный храм”). “Стихи не пишутся – случаются”. И не слушайте Вы старую больную бабку, которой хочется, чтобы её наболевшую душу тихонько нежили и гладили и напевали ей сладким голосом райские песни”. (Из письма от 5.06.2004). Как всем нам этого хочется, и молодым, и старым. Всё это славословие Бога в сущности – мольба о любви. Вера выполняет роль надежды, утешения, анестезии.

Не плачь, мой Ангел, ну пожалуйста, не плачь!
Пусть жизнь моя не так сложилась, как хотелось.
Приходит память, как безжалостный палач,
и боль души куда страшнее боли тела.

Ну как можно судить по законам поэтики эти вырвавшиеся из души строки:

И когда тебе на свете
одинокو будет очень,
попроси, как просят дети,
я приснюсь тебе, сыночек.

Вера в неземное замыкает человека на своих грёзах, обрекает его на ещё большее одиночество.

Не средь земных чумных пиров,
там, в небе, средь иных миров
моё созвездие сияет,
и пусть меня не слышат тут,
но там мои стихи прочтут,
а, может быть, уже читают.

В этом её духовный стержень, её спасение, но и – её обречённость. А здесь-то, средь чумных пиров кто будет порядок наводить? Не царское это дело? Надо “отважиться” и на это. На то ты и поэт.

Борцова отваживается на такой взгляд. Она не хочет себя тешить и убаюкивать сладкими сказками. Она безжалостно видит правду и не боится сказать её. Даже ту, которую пока только предчувствует. А ведь стихи, как известно, сбываются! “Как Вы не боитесь такое писать?” – спрашивала Цветаева Ахматову. Борцова не боится.

В этом доме давно паутиная ряса –
на обед и на завтрак, и даже на ужин.
В этом доме... А может быть, страшная сказка,
что никто никому в этом доме не нужен?

х х х

Рыдать в пыли, у плахи...Боль –
извечный рок жены. –
Последыш мой, мой сын, мой Бог,
мы миру не нужны?!

х х х

На просторном на свадебном ложе
пусть пылают не розы – ножи.
Накажи за меня её, Боже!
И меня за неё – накажи...

Так что же я выбираю для себя? Мир страстей? Свет Божьих истин? Человеку нужно и то, и другое. Но истина, как всегда, где-то посередине.

Вспомнилось стихотворение Ирины Снеговой о старухе-соседке, которая рассказывала о том, как любил её покойный муж-сапожник.

Зимой мой хозяин тачает, бывало,
а я уже лягу, я спать мастерица.
Он встанет, поправит на мне одеяло,
да так, что не скрипнет под ним половица.

И сядет к огню в уголке своём тесном,
не стукнет колодка, не звякнет гвоздочек...
Дай бог ему отдыха в царстве небесном!
И тихо вздыхала: – Жалел меня очень...

В ту пору всё это смешным мне казалось,
казалось, любовь чем сильнее, тем злее,
трагедии, бури... Какая там жалость!
Но юность ушла. Что нам ссориться с нею?

Недавно, больная, бессонницей зябкой,
я встретила взгляд твой – тревога в нём стыла.
И вспомнилась вдруг мне та старая бабка, –
как верно она про любовь говорила!

Это стихотворение о вечных ценностях, о вечно кем-то избитых истинах. Когда я его прочла на лекции – оно перекрыло впечатления от всех стихов, прочитанных накануне, люди слушали его со слезами на глазах. Слишком поздно мы всё это понимаем, к сожалению.

Как соблазнителен демонический мрак Борцовой, как банален свет вечных истин Соколовой. “Отвергаю рай, где проститутка свеча! Выбираю ад, где ангел в снегу!” – писал Л. Губанов. Это выбор безоглядной, оголтелой, нетерпеливой и нетерпимой юности. Но приходит зрелость души, и она выбирает иное...

О как наука эта нелегка!
У каждого в миру своя дорога.
И, слава богу, на земле пока
мне есть кого любить помимо Бога.